

Надежда Забараускас.

* * *

Над мирно журчащим ручьём
Берёза поникла уныло.
Я к ней прислонилась плечом
И голову к ней наклонила.

К чему грусть – печаль? Всё пройдёт!
И эта трава молодая,
И птичий высокий полёт,
И шёпот влюблённого мая.

Пусть ива ревёт в три ручья,
А мы позабудем тревогу...
Сестра – берегиня моя,
Меня обними на дорогу!

Родная, хоть ты не покинь!..
Соблазны обступят стеною...
Пусть царство моих берегинь
Навеки пребудут со мною.

ОТЧИЙ ДОМ.

Деревенская улица, домик,
Куст сирени цветёт у окна.
На окошке Тургенева томик,
И такая вокруг тишина!
Сердце сжалось и сладко заныло,
А душа утонула в мечтах.
До чего же давно это было.
Нет! Не выразить чувства в словах.
Не вернуть пролетевшие годы,
Опустел – овдовел отчий дом.
И не пишутся нежные оды
Про сирень, что цвела за окном.
Но года не стираю желанье

Вновь шагнуть на знакомый порог.
И стряхнуть боль, тоску и страданье,
Словно пыль от житейских дорог.
Подойти потихоньку, как прежде,
Маму нежно за плечи обнять.
«Это я, твоя дочка Надежда...»,
Что так книжки любила читать...

* * *

Жизни быстрокрылые страницы.
Наступила новая глава.
Еду я в глубинку из столицы,
Где звенят ручьи, растёт трава.
Выйду утром в поле – красотища!
Вот она - Россия, через край!
Городская пыль и скукотища
Мне сулила на асфальте рай.
Для столичных здесь в ломы гнуть спину,
А по мне – отличный фитнес – клуб.
Заведу гусей, курей, скотину,
Заложу сосновый крепкий сруб.
И пойдёт по кругу жизнь крутиться.
Дом, хозяйство, дети, суета.
Верю, что деревня возродится.
И спасёт мир наша красота.

* * *

Бежит по камушкам вода,
На небе солнышко сияет.
Летят куда-то поезда,
И где-то кто-то их встречает.
Вот так и жизнь моя идёт.
Сначала тихим мерным шагом,
Но вот зигзаг и поворот,
Потом тропинка за оврагом.
И вот бегут мои года.
Они бегут неумолимо,

Как скоростные поезда,
Мелькают... Мимо, мимо, мимо.

* * *

А время утекает в вечность строчкой,
Увы, нельзя строку переписать.
Поэту суждено быть одиночкой,
Нельзя за крылья душу удержать.
В нём вечная борьба противоречий.
То слишком целомудренный порой.
А через миг порочен и беспечен.
Его душа не ведает покоя.
Границы из устоев и морали
Сметает он, как грозовой поток.
Но чище и правдивей не видали
Души его, живущей между строк.

* * *

Поэзия меня уносит вдаль.
И прежней скучной жизни мне не жаль.
Душой крылатой поднимаюсь ввысь,
Сама себе шепчу: «Держись, держись!..»
А высота и манит, и страшит,
Но сердце всё же в высоту летит.
Крылатым я охвачена огнём.
Сгорая, в пепел превращаюсь в нём,
Но, очутившись, прахом на земле,
Как феникс возрождаюсь я во мгле.
И снова высота меня зовёт,
И снова повторяется полёт.
Но с каждым разом всё смелее он.
Полёт души поэзией рождён
И окрылён, и вдохновлён, и к ней
Стремится в невозвратности своей.

* * *

Как хрупок мир подлунный, оттого ль

В его лучах, мерцающих печально,
Мне кажется, что жизнь – всего лишь тень,
Ночная тень, космическая тайна.

По телу пробегает холодок.
Как сотни лет назад, я одинока.
Лишь звёздного сияния поток
Над этим миром не имеет срока.

Не отыскав, увы, души родной,
Я душу исцеляю лунным светом...
Космической покрыты мерзлотой
Печальные прозрения поэта.

ПОЛЁТ.

Забросила писать стихи.
Не мучают меня кошмары,
Что я стою у той черты,
Где в бездну падают Икары.
Не привлекает их полёт.
Мгновенье призрачной свободы.
Глупцы! Надеются на взлёт,
Не веря в правила природы.
Нет, Нет! Я больше не хочу
Испытывать судьбу напрасно...
Куда же я опять лечу
И чувствую, что жизнь прекрасна?!

* * *

Зарекалась - не буду писать,
На мытарствах души ставя точку.
На кострище сжигала тетрадь.
Инквизиция правила строчку.
Ветер пепел с собой уносил.
Я как будто покой обретала.
Отчего же я снова без сил?
Иль для жизни покоя мне мало?

Исповедник тетрадный листок,
Пусть душа окропит его кровью.
Из под пепла пробьётся росток,
Исцеляя мне душу любовью.

* * *

Вновь нервы скомканы в комок,
Перечитать бы снова «Мцыри».
Понять, что каждый одинок
В подлунном этом грешном мире.
А мы, влюбляясь в миражи,
Коверкаем-калечим души.
А главное-то для души –
Понять, что ты кому-то нужен.

* * *

Куда же вы спешите, облака,
Напоминая – время быстротечно?..
А может чья-то Высшая Рука
Вас заставляет странствовать извечно?
Возможно, точно так же суждено
Моей нетленной сущности скитаться?
В награду наказание дано
За призрачной мечтою вечно мчаться...
А, может быть, и некуда спешить?
Ведь всё идёт по замкнутому кругу...
Несуетно мгновеньем дорожить,
Благодаря Божественную Руку.

* * *

Неистовствует нынче птичий хор.
Цветы исходят райским ароматом.
Но Жизнь и Смерть вновь продолжают спор,
Привыкшие к рожденьям и утратам.
Возможно, не понять нам никогда,
К чему вопросы сотворенья мира?
Извечная борьба и суета?

И мы зачем среди этого «горнила»?
Но вновь рассвет! И мы вперёд идём!
Навстречу обретеньям и печалям.
И робкою надеждою живём,
Что не бесследно в вечность исчезаем.

* * *

Мечты о счастье помянут снова.
И вновь поверю, что повезло.
Судьба карала порой сурово,
Подсунув подлость, измену, зло.
Но нет обиды во мне ни капли,
Что приходилось не раз страдать...
И, наступая на те же грабли,
Я вновь и снова могу летать.

* * *

Я видел мир, его красоты.
Я видел бездну темноты.
Я ощущал полёт свободы
И заточенье пустоты.
Познавший яд людских пороков,
Я выпил эликсир любви.
Был принят равным среди пророков.
И в грешной утопал крови.
Порой в душе вскипала злоба.
Я жалости тогда не знал.
От колыбели и до гроба
Я жизнь земную проклинал.
Но был в ней миг – слеза скупая
Катилась по моей щеке,
Когда от счастья замирая,
Держал твою в своей руке.

* * *

Так восхитительно прекрасно
Поют ночами соловьи.

Их оды явно не напрасны.
Как и признания твои.
А мне казалось, что забыты
Все чувства нежные в душе.
Все перечитаны пииты,
И милый образ в мираже.
Но эти дивные напевы,
Как прежде, будоражат кровь,
И, дочь неугомонной Евы,
Я снова верую в любовь.

* * *

В лабиринтах ума заблудиться,
Иль в глубинах души утонуть?
Разум с сердцем не может смириться,
Выбирая единственный путь.
С Моисеем блуждать по пустыне
Может быть, сорок лет суждено.
Иль с Иудой в бескрайней пучине
Погрузиться на мглистое дно.
Мне ль бояться таких испытаний?!
Ведь за тьмою наступит рассвет!
И избавит Христос от страданий,
Излучая божественный свет!

РАССВЕТ.

Вдруг солнце ослепило мне глаза,
Наотмашь полоснув по мне улыбкой.
И выжатая горькая слеза
Повисла на реснице длинной - гибкой.
Идиллию безмолвной красоты
Мне было оценить довольно сложно.
На тёмном небе бездна пустоты,
Но с нею спорить смертным невозможно.
А в этой яркой чистой белизне
Весь мир я вижу будто на ладони...
И всё становится так ясно мне,

Как будто бы молюсь святой Мадонне.

* * *

На мои колени голову склонив,
Ты заснул под сенью светлокудрых ив.
И на нас смотрела с высоты луна,
Так была прекрасна и светла она!
И тебе на плечи руки положив,
Видела я – вечер накрывал залив.
И русалкой в море плавала луна,
И была прекрасна эта тишина.

* * *

Рассеяно я мёрзну на перроне,
А мимо пролетают поезда.
Ты где-то там исчез, в шестом вагоне.
И не вернёшься больше никогда.

Вся жизнь осталась позади как будто.
А впереди? Неужто – пустота?
Судьбина обошлась довольно круто.
К чему теперь земная суета?

Зачем одной мне дивные рассветы?
Зачем заката пламенный цветок?
Ведь даже красота всей-всей планеты
Тебе не скажет, как ты одинок.

И я покорно мёрзну на перроне,
А мимо пролетают поезда...
Прощай навек, мой друг в шестом вагоне!
Ты не вернёшься больше никогда.

БЕРЕГА МЕЧТЫ.

Опять под голубыми небесами
На островок, затерянный вдали,
Плывёт корабль твой под парусами,
Окрашенными в алый цвет зари.

И остров, пышной зеленью покрытый,
Ждёт появления алых парусов,
И горизонт сливается с зенитом
Под звон весёлых птичьих голосов.

И вновь корабль ближе... ближе... ближе
Подходит к берегам мечты моей.
На палубе я капитана вижу...
Ну, наконец-то!... Здравствуй, милый Грей!

* * *

Прилетели весенние птицы,
Щебетаньем наполнив леса.
Даже скромные наши синицы,
Вдруг запели на все голоса!
На деревьях взрываются почки.
Так и кажется – ты молодой!..
И зелёные чудо – листочки
Пахнут юной задорной весной.
Суетятся досужие осы.
Тараторят вокруг ручейки...
До свиданья, седые морозы!
До зимы мы от вас далеки.

В ГОСТЯХ У БАБУШКИ.

Я у бабушки гостил.
Много я потратил сил.
Утром кушал пироги,
Груши кушал у реки.
Ел в обед немного щей.
Ел картошку, рыбу к ней.
Следом прыткий бутерброд
Мне запрыгнул прямо в рот.
В полдник уминал котлеты,
Вечером и то, и это.
Перед сном поел ватрушки,

Плюшки, пирожки, пампушки.
Целый день еду жевал.
К ночи я вконец устал.
Утомлённый, я заснул.
За ночь вроде отдохнул.
Ну, а утром мне опять
Предстояло есть-жевать...
Много я потратил сил.
Я у бабушки гостил!

ОСЕНЬ.

Осенний дождик мерно моросит,
И лист последний с дерева слетает.
Увядшая трава не шелестит,
И всё вокруг надолго замирает.
Не слышно звонких птичьих голосов,
Все певчие давно уже на юге.
Лишь скучный мерный лай дворовых псов,
И робкое мяуканье в округе.
Жизнь замирает в русских городках.
В окошко осень грустно наблюдает:
Но всё ж просвет наступит в облаках
И радостное солнце засияет.

ЦЫГАНСКАЯ КРОВЬ.

Не кочуют кибитки в степи.
И давно у цыганских шатров
Не звенит плач гитарной струны
Под мерцающий пламень костров.
Но порою цыганская кровь
Закипает во мне по ночам.
Вскину дерзко надменную бровь.
Пусть мониста текут по плечам.
И, ступая по мягкой траве,
Вихрем я закружусь у костра.
Я чужая докучной молве,
А свободе и счастьем – сестра.

* * *

Говорят, время раны затянет,
Но во сне снова в бой я иду.
Вновь осколками душу мне ранит,
Вот минута – и я упаду.
Я услышу далёкие крики,
Отражённые эхом в горах.
Я увижу не лица, а лики
Тех ребят, что несут на руках.
Говорят, время раны затянет,
Что душа отгорит, отболит.
Что война в Лету прошлого канет,
...Но вот память, как стойкий гранит.

* * *

Не пытайтесь укусить Россию,
Клацая зубами и рыча.
Вам не одолеть такую силу,
Если размахнёмся сгоряча.
Не однажды ваши самодуры
Нападали, угрожая нам.
Но швыряли, как шакальи шкуры,
Их штандарты к нашим сапогам.
Испугают ли теперь дворняги,
Что, как Моськи лают на слона?!
Нам ли, русским, занимать отваги,
Нам отвага предками дана.

ВЕЩИЙ ОЛЕГ.

Когда-то Вещим наречённый,
Олег, объединяя Русь,
Вождей славянских разобщённых
Соединил в один союз.
Столицей общего владенья
Провозгласил он Киев-град.
И от хазар освобожденья
Принёс, отбросив их назад.

Умножив русские победы,
Константинополь покорил.
Как написали позже веды:
На Цареград свой щит прибил.
И вряд ли позабудут греки
Олега Вещего поход...
Будь славен русский дух вовеки –
Пусть этот дух в стихах живёт.

* * *

О берёзках говорить не буду.
И о том, как плачут соловьи.
Но всегда мне хочется и всюду
Говорить о пламенной любви.
О любви к тебе, моя Россия!
О любви к озёрам и полям.
И о том, какая в сердце сила,
Невозможно одолеть врагам.
Не понять завистливым народам,
Что живут за тридевять земель,
Что такое русская свобода,
Отчего душа поёт, как Лель!
Что об этом говорить всечасно
Тем, кто о России не забыл?
Ведь о том, как Родина прекрасна,
Знают те, кто Родиною жил!

* * *

Пыль времён заметает дороги.
Зарастают тропинки травой.
В старых избах ветшают пороги,
А в холодных печах слышен вой.
Исчезают деревни и сёла.
Не волнуется рожь на полях.
Не готово зерно для помола,
А в амбарах разруха и мрак.
Не слышны петухов переливы

И мычанье коров поутру.
И не плавают лодки в разливы,
И не сохнет бельё на ветру.
Вкус воды родниковой забылся –
Серебристый, игристый, родной...
Век глубинки ужель завершился
И сменился отстоем застой?

* * *

За воротами остался
Старый домик в три окна.
Мой автобус прочь умчался.
И деревня не видна.

Закружила, завертела
Городская суета.
Я душою очерствела,
Атмосфера здесь не та.

Город радужно мерцает,
Но не греет блеск его.
Остывает, забывает.
За душою – ничего.

Мне б увидеть на минутку
Разноцветные поля.
Незабудки, незабудки,
Не забудьте вы меня.

* * *

Затерялся в дебрях
Городских кварталов.
Словно злобный цербер
Среди стай шакалов.
Доверять друг другу
Здесь давно не в моде.
Предают по кругу

В сволочной породе.
Мир насквозь фальшивый
Сделали шакалы.
За улыбкой льстивой
Прячутся оскалы.
Обложить бы стаи
Красными флажками.
Чтобы перестали
Рвать страну кусками.

ЧИТАЯ НИКОЛАЯ ОГАРЁВА.

Век переменялся,
Но порядки те же.
Кто в верхах прижился –
Те страдают реже.
У кормушки царской
Есть чем поживиться.
Кашей пролетарской
Там не подавиться.
Там икра с блинами,
Окорок копчёный,
Сливки с пирогами
Да судак печёный.
За столом широким
Те же разговоры:
«Наш народ убогий,
Пьяницы да воры.
Всё ворчит и ноет,
Будто он голодный.
Пусть свой рот закроет
Наш народ свободный!..»

